

«Дюймовочка» — это про самолеты?

Вег. Москва. 1994 20 июля. СЧ

Роксана КАРПОВА-САЦ

Странные бывают в жизни встречи. Странные и неизбежные. Ну вот хотя бы...

В восемь лет я потеряла отца и почти потеряла мать. Произошло это в трагическом 1937-м. Отец Попов Николай Васильевич, председатель Торбанка, расстрелян. Мать Сац Наталия Ильинична, основательница первого в мире детского театра, — в сталинских лагерях. Ну а я в детдоме для особо трудных подростков (дети врагов народа были отнесены к самым опасным). Однако в конце 43-го эвакуированный в начале войны детдом возвращают в Москву, чтобы направить его воспитанников, не имеющих родственников, в ремесленные училища, где наблюдался катастрофический недобор.

У меня родственников не было, а значит, не было и выбора. Ничего не было, кроме яростного внутреннего сопротивления, нежелания идти в ремесленное училище, чтобы по его окончании вытачивать какие-то болты и гайки, которые, хотя и очень нужны стране, все же не являются МОИМ делом.

Наступил вечер. Много часов с видавшим виды чемоданом я бродила по Москве, и мой родной город, где я родилась и выросла, становился все более чужим, словно отгоражившим меня всеми своими площадями, улицами, переулками и прежде всего домами. Уже два из них захлопнули передо мной свои двери.

Первые — где я жила до детдома и куда не пустила въезжавшая в нашу квартиру по распоряжению НКВД жилищка. Вторые — в квартире бывшей маминной подруги, наиболее страстной ее «обоже»; много раз прежде она бывала у нас дома, еще чаще в театре, обычно не спуская с мамы маслянисто-восторженных глаз, восхищаясь по всякому поводу и без. Мама, хотя и называла ее «навоеда», не раз помогала ей и с работой, и с жильем. Именно благодаря маминному ходатайству надоедая удалось избежать модного тогда «уплотнения» и остаться полноправной хозяйкой трехкомнатной квартиры. Но когда в поисках пристанища я оказалась на пороге этой квартиры, надоеда чуть не спустила меня с лестницы, а ее визгливое «Забудь сюда дорогу раз и навсегда!» раз и навсегда пилой грызлась мне в уши до самого низа, до выхода из подъезда, запомнилось на всю жизнь.

Стало совсем темно. Военная Москва почти не освещалась, очень хотелось есть, ветер пронизывал до костей. Леденящий ужас отчаяния уже сковал меня всю, когда иззбышей рукой я нечаянно нащупала в кармане пальто смятый конверт от какого-то письма.

Вспомнила: письмо было от бабушкиных друзей Сулержицких, которые год назад сообщили мне о ее смерти. Я их никогда не видела, но на конверте был обратный адрес: Огарева, 12, кв. 34, — а у меня, кроме измятого конверта и безысходного отчаяния, ничего не было... И я пошла на Огарева.

Звоню. Открывает женщина. Волосы пепельные с сединой, выдавший виды свитер, а глаза лучисто-голубые и таким теплом сразу окутали. «Ксаня! Ксаночка приехала, — воскликнула она, и из квартирной глубины, смежно подпрыгивая на здоровой ноге, вторая была искалечена, показался мужчина, тоже голубоглазый, немолодой и тоже такой сияюще-приветливый, словно я невероятно его осчастливила своим незвано-негаданным появлением. И как-то сразу будто само собой уразумелось, что ни в какое ремесленное я не пойду, жить буду у них, да и вообще, как заявил глава семейства, трое детей гораздо лучше, чем двое, тем более в трудные времена.

Разумеется, продовольственных трудностей в трудные времена я, не имеющая ни прописки, ни карточек, им изрядно прибавила. И все же приютить, приласкать, помочь едва знакомой девчонке было для Сулержицких так же естественно, как дышать и жить. Живя в этой семье я прониклась ее укладом — не бытом (он был до скудости ограничен), а нравственным мироощущением. Оно было пронизано идеями толстовства, МХАТа и русского меценатства: откликаться на чужую боль, как на свою, испытывать высшее наслаждение в творчестве, в созидании духовного. В начале века по призыву Л. Н. Толстого вдохновенные этими идеалами мхатовцы чуть ли не в полном составе, в том числе мой дед Илья Сац и Леопольд Сулержицкий, отец приютившего меня Дмитрия Леопольдовича, во время голода, бросив все, организовывали комитеты спасения голодающих, а великие российские меценаты Морозов, Мамонтов, Рябушинский, Бахрушин, Третьяков и другие, повинувшись высшему гражданскому долгу, на свои средства открывали школы, больницы, театры, утверждая широту и величие русской души.

Много лет спустя, когда вместе с Детским музыкальным театром я побывала в Америке, темноволося школьница Салли, неотступно посещавшая не только все наши спектакли, но и встречи-беседы с американскими ребятами, однажды грустно сказала: «Как я завидую...». — «Кому?». — «Вам. Всем, кто приехал и кто не приехал тоже...». — «Почему? Разве у вас плохо? Вон какие магазины», — роскошь американских витрин тогда не шла ни в какое сравнение со скудостью наших прилавков. «Да, магазины, но... У вас так много внут-

ри, а у нас внутри, я думаю, только деньги».

Я часто вспоминаю слова этой американской девочки, особенно на примерах жизни столь дорогого мне Детского музыкального театра, которому присвоено имя его основателя Наталии Сац, моей мамы. Сколько раз она должна была впасть в отчаяние (должна была, но не впадала), когда сперва надо было пробить необходимость создания такого совершенно нового художественного организма, затем — необходимость профессиональной, а не самодеятельной труппы, помещения, строительства здания на проспекте Вернадского. Сколько раз ей говорили «нет!». И это «нет» было железным, непреклонным, подкрепленным высокими должностями и авторитетами. Но всегда, часто в самый последний отчаянный момент, находился кто-то, кто протягивал руку, говорил «да!», становился сподвижником и помогал двигать дело.

А когда ее не стало... Алчные глаза некоторых «деятели» и хищные руки некоторых «деятели» чуть ли не сразу потянулись к прекрасному зданию театра, чтобы, захватив его, навсегда похоронить саму суть музыкального театра для юных. И ведь они почти преуспели, если бы в последний момент не встали на защиту крупнейшего мастера искусства, зрители, сам коллектив.

...Впрочем, кто-то и сейчас вынашивает захватнические планы.

Ну а в деньги... Деньги, которых нет. Чтобы жить и развиваться, театр должен ставить новые спектакли, но ведь для этого нужно их обеспечить материально. Мысли о том, как это сделать, стали неотступными для всех нас, но — думай не думай...

И вдруг... Вдруг главный администратор знакомит меня с одним из ведущих работников компании «Трансаэро», купившей у нас целую серию спектаклей. «Если бы у вас был какой-нибудь сюжет про самолеты, — бросает он мимоходом, — мы бы, возможно, вам помогли».

«Про самолеты?». Нет у нас ничего про самолеты. Зато есть андерсеновская «Дюймовочка» с поэтичной музыкой Е. Подгайца... Впрочем...» И я прошу познакомиться меня с кем-нибудь из самых главных руководителей компании.

«Какая прелестная женщина, — первое, что подумала, увидев Ольгу Плиешкову, — и глаза, как небо, синие, но вряд ли она купится на эту мою почти «аферу»».

— Знаете, — между тем говорю, — у нас есть интересный сюжет, где все летают. Например, ласточка, она ведь и по форме очень похожа на самолет. Еще есть «самолетоподобные» жуки, а в конце полетит сама героиня, ей даже крылышки приделают...

— Это вы мне «Дюймовочку» пе-

Александра КОРПОЛЬКОВА

Театр им. Наталии Сац не похож на какой другой

ресказываете? — синие глаза смеются.

— Ну это только в основе, а вообще-то мы все «осауолетим», на крыльях ласточки, например, можно написать «Трансаэро»... — горюю и чувствую, что получается неосуетная глупость. Краснею.

— Чтобы получилась пошлость, — добавляет она. — Зачем? У вас такой чудесный театр, мы с радостью вам поможем, и, знаете, давайте сразу после премьеры покажем спектакль в Норильске. Это был первый город, куда полетели наши самолеты, первый рейс «Трансаэро». И сколько радости мы доставим норильским ребятишкам, которые круглый год живут в зоне вечной мерзлоты.

...И вот мы в комфортабельных и уютных «Боингах» летим с нашей уже материализовавшейся в спектакль «Дюймовочкой» в Норильск. Прилетаем и... И чуть ли не у трапа самолета узнаем: билеты на спектакли театра почти не проданы. Измученные многомесячной невыплатой зарплаты учителя отказываются вести детей на спектакли. Об этом они единодушно заявили на всегородском совещании, которое сейчас проходит. Та-а-ах. Но не отправиться ли нам на это совещание?!

Едем вдвоем с директором театра В. П. Пороворовым. Нет, не хотят нас здесь ни видеть, ни слышать. Хмурые, изможденные лица, озлобленные взгляды людей, восемь месяцев не получающих и без того низкую зарплату. Начинаем рассказывать о театре — низко опущенные головы, никакого внимания.

И вдруг тихий голос откуда-то из последнего ряда — голос немолодой усталой женщины:

— Да как же нам не стыдно, коллеги? Как же мы можем из-за своих невзгод и несчастий лишать детей радости, которая таким светом может их души озарить? Да и за что тогда нам должны платить зарплату, если в нас умерло самое главное — любовь к нашим детям?..

Я не хочу подробно останавливаться на том, как повернулся ход собрания, что было предпринято, чтобы были проданы все билеты, но сияющие глаза норильских ребятишек, с удивлением и восторгом разглядывающих никогда прежде невиданный ими «живой» оркестр, их реакцию на спектакль не забыть, хотя мы к тому времени в каких только престижных городах и странах не побывали.

И не забыть нам всем экскурсию по заледенелому — мороз до 40° — городу, организованной той же учительницей и ее коллегами. С какой любовью они говорили о нем. Навсегом на материк никто не мечтал уехать, а ведь всех «достопримечательностей» — памятник в виде уходящих в небо рельсов в честь построивших город заключенных и краеведческий музей, а остальные — коробки домов на завьюженных улицах.

Я возвращалась домой на крыльях «Трансаэро» и думала о том, что права была американская девочка: есть у нас внутри нечто такое, чего нет ни в одном другом народе и государстве. Есть. Не растерять бы...